
УДК 81*25

ББК 81.18

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2838>

**О ТИПАХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ КАК СПОСОБАХ
ПЕРЕДАЧИ ЭКВИВАЛЕНТНОГО СОДЕРЖАНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА РФ)**

И. Ю. Рябова

Уральский государственный юридический университет

**ON THE TYPES OF TRANSLATION TRANSFORMATIONS AS MEANS
OF TRANSFERRING EQUIVALENT CONTENTS OF STATEMENTS
OF LAW DISCOURSE
(ON THE MATERIAL OF FAMILY CODE OF THE RF)**

I. Yu. Ryabova

Ural State Law University

Аннотация: *юридический текст представляет собой разновидность дискурса институционального типа. Структурно-синтаксическая организация, стилистическое оформление, функционально-прагматический потенциал и семантика ключевых номинант высказывания юридического дискурса подчинены тематике сообщения и детерминируются целью коммуникации. В рамках данной статьи автор обращается к сопоставительному анализу оригинала и англоязычной версии перевода Семейного Кодекса РФ. Основная задача исследования – анализ специфики передачи эквивалентности юридического перевода с позиции разных уровней теории эквивалентности – прагматического, семантического, синтаксического – через призму многоуровневой переводческой модели, разработанной В. Н. Комиссаровым, и посредством обращения к типам переводческих трансформаций. Переводческие трансформации рассматриваются как языковые выражения, полученные вследствие технических приемов перевода, сводимых к замене исходного текста некоторыми нерегулярными (контекстуальными) соответствиями. В ходе исследования выявлены особенности «функционирования» переводческих трансформаций, влияющие на разные уровни теории эквивалентности: симметрия и асимметрия структурно-синтаксической организации высказывания, маркированная «внедрением» новой лексической единицы в отрезок речи, изменение тональности высказывания, появление новых коннотаций за счет этимологически репрезентированного знания или других инференциальных характеристик исследуемых единиц. В качестве факторов, модифицирующих тональность высказывания, мы выделяем следующие: смещение коммуникативного центра высказывания, усиление или ослабление эмфазы внутри отрезка речи, наличие «скрытой» семы. В качестве основных методов исследования в работе обозначены компонентный, дефиниционный, этимологический, концептуальный и контекстуальный анализ, представляющие комплексный подход к исследованию высказывания юридического дискурса как единой «пирамиды».*

Ключевые слова: *переводческая трансформация, юридический дискурс, эквивалентность, адекватность, высказывание юридического дискурса, тональность высказывания.*

Abstract: *a law text is a type of institutional discourse. Structural-syntactic organization, stylistic framing, functional-pragmatic potential and semantics of key lexical units of law discourse text are subordinate to the subject of the message and determined by the aim of communication. Within this article the author uses contrastive analysis of the original text and the English version of the «Family Code of the Russian Federation». The main target of the current research is to analyze the specific characteristics of equivalence in a law text from the view*

© Рябова И. Ю., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

of different levels of the theory of equivalence – semantic, pragmatic and syntactic – taking into account multilevel theory of translation by V. N. Komissarov and the types of translation transformation. Translation transformations are represented as certain linguistic expressions, derived with the use of translation techniques related to the process of replacing the target text with occasional (contextual) equivalents. Within this research the author distinguishes some features of «functioning» of translation transformations that influence different levels of the theory of equivalence: symmetry or asymmetry of structural-syntactic organization of a linguistic expression, marked by the existence of a new lexical unit in a segment of speech, change of tonality of statements, emergence of new connotations due to etymologically represented knowledge and other inferential characteristics of the units in question. As factors, modifying the tonality of a statement, we highlight the following: shifting of communicative center, strengthening or weakening of emphasis within a segment of speech, existence of a «hidden» seme. The main methods of research are componential, definitional, etymological, conceptual and contextual analyses that altogether represent a complex approach to a law discourse statement as a whole single «pyramid».

Key words: translation transformation, law discourse, equivalence, adequacy, statement of law discourse, tonality of the statement.

Введение

Юридический перевод, являясь одним из видов специального перевода и обслуживая правовую сферу коммуникации, сопряжен с переводом законодательных актов, уставных документов, контрактов, статей из кодексов и других материалов.

Совокупность юридических текстов, содержащих специальные понятия и применяющихся в пределах профессиональной сферы, представляют собой юридический дискурс. Юридический дискурс является дискурсом институционального типа, что, следуя за мыслью К. М. Левитана, обуславливает тот факт, что он «строится по определенному шаблону: тематика, стиль и тональность общения жестко детерминируются его целью» [1, с. 13]. При этом профессиональный юридический перевод всегда сопряжен с категорией адекватности, т. е. решение задач переводческого акта должно быть выполнено «на максимально возможном уровне эквивалентности без нарушения норм и узуса языка перевода» [1, с. 21]. Из данного суждения следует, что сохранение норм языка перевода рассматривается как некоторое условие сохранения адекватности производного текста. В теории перевода исторически обусловлены несколько точек зрения на соотношение и понимание понятий «эквивалентность» и «адекватность» перевода: 1) в самом общем смысле в современной теории перевода данные понятия могут отождествляться; 2) имеет право на существование точка зрения, когда им приписывается разный смысл; 3) лексемы обозначают разную степень точности перевода; 4) только одна из лексем приобретает статус термина (адекватность – у И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга, эквивалентность – у Дж. Катфорда) [2, с. 43–44, 53–62; 3, с. 131, 162]. В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения А. Д. Швейцера, что оба понятия «эквивалентный» и «адекватный» характеризуют определенный тип отношений между оригиналом и переводом, при этом «адекватность» перевода ориентирована больше на перевод как процесс, тогда как

«эквивалентность» указывает на отношение «между исходным и конечным текстами, которые выполняют сходные коммуникативные функции в разных культурах. В отличие от адекватности эквивалентность ориентирована на результат» [4, с. 93]. Именно с этой позиции в рамках данного исследования мы обратимся к термину «эквивалентность». Понятие эквивалентности соотносится не только с точной передачей содержания, сведений, терминов и т. д., но также с передачей эмоционального (точнее директивного, императивного и т. п.) фона юридического текста, сохранением юридической «реальности» и воздействующей функции текста на читателя. В настоящем исследовании мы акцентируем внимание на нескольких составляющих понятии «эквивалентность»: денотативная, коннотативная, текстонормативная и прагматическая эквивалентность. В рамках данной статьи основной задачей исследования мы считаем возможность проанализировать специфику передачи эквивалентности юридического перевода с позиции разных уровней теории эквивалентности: прагматического, семантического (компонентного и референциального), синтаксического. В качестве концептуальной основы работы выступает многоуровневая переводческая модель, разработанная В. Н. Комиссаровым. Через призму специфики типа переводческой трансформации (классификации В. Н. Комиссарова, Т. А. Казаковой, В. В. Алимова) в ходе исследования выявлены особенности передачи эквивалентности на языке перевода. Во-первых, при симметрии структурно-синтаксической организации высказываний юридического дискурса на исходном языке и языке перевода «смыслоразличительную функцию» играет непосредственно семантика ключевых номинант периода; при относительной симметрии структурно-синтаксической организации (характерно включение дополнительной лексической единицы) важная роль принадлежит скрытым семам «новой» номинанты; при асимметрии структурно-синтаксической организации двух высказываний функциональ-

но-прагматический потенциал высказывания деформируется в силу смещения коммуникативного центра высказывания. Цель исследования – комплексный анализ составляющих понятия эквивалентности посредством выявления семантических признаков ключевых номинант, через структурно-синтаксическую организацию высказывания, а также путем обращения к тональности высказывания юридического дискурса.

Материалы и методы исследования

Основным методом настоящего исследования является сопоставительный анализ текста оригинала и перевода, в рамках которого применены компонентный, дефиниционный, этимологический, контекстуальный и концептуальный анализ. Совокупность данных методов позволяет компенсировать имеющиеся в исследовании рассматриваемой проблемы лакуны. Подобная компенсаторная стратегия дает возможность, например, вскрыть «глубинную семантику» слова посредством обращения к этимологически репрезентированному знанию, эксплицирующему лингвокультурный код некоторой концептуальной области и детерминирующему необходимые инференциальные характеристики слова. Кроме того, одновременное обращение к особенностям структурно-синтаксической конструкции высказывания, многоаспектное исследование семантики слова, выявление «эмо-коннотаций» (эмосем, по В. И. Шаховскому), исследование функционально-прагматического потенциала высказывания позволяет рассмотреть весь состав высказывания юридического дискурса как единый микроконтекст, «семантическую пирамиду», что, на наш взгляд, составляет актуальность настоящего исследования.

В качестве объекта юридического дискурса выделены Семейный Кодекс РФ (далее – СК РФ) как один из основных правовых нормативных актов, регулирующих семейные отношения на территории РФ; также мы обратились к англоязычной версии документа с целью выявления особенностей интерпретации англоязычных высказываний юридического дискурса. Следует обозначить, что английский язык в рамках данного исследования выступает в качестве языка-реципиента, призванного передать все «оттенки» исходного высказывания юридического дискурса.

Как любой правовой нормативный документ, Семейный Кодекс РФ имеет функционально-прагматическую направленность и выполняет определенную метакоммуникативную функцию. Согласно словарю С. И. Ожегова, кодекс: 1) свод законов; 2) совокупность правил [5, с. 228]. Закон: 1) общеобязательное правило, то, что признается обязательным; 2) постановление государственной власти [Там же, с. 169].

Обязательный является дериватом от глагола *обязать*, который имеет дефиницию «наложить обязанность, предписать» [Там же, с. 355]. Дальнейшее дефиниционное исследование приводит нас к понятиям закономерности, порядка, коллективного решения и официального правительственного распоряжения. Как следствие, мы можем говорить о предписывающей, императивной функции (от лат. *imperativus* – повелительный) свода законов, реализации причинно-следственных связей ввиду особой специфики Семейного Кодекса РФ, значимости отсылок к коллективному мышлению и некоторых других характеристиках официально-делового стиля. Следовательно, в переводе Семейного Кодекса РФ на английский язык внимание следует уделить и возможности транслирования «полного объема» императива как выражению определенного функционально-прагматического потенциала высказывания, релевантной для определенного контекста передачи причинно-следственных связей, наличие (или отсутствию) сем коллективизма.

Выделим некоторые особенности языка права, которые находят отражение в текстах Семейного Кодекса РФ на русском и английском языках и представляют для нас интерес в рамках данной статьи:

- наличие пассивных конструкций;
- сложные распространенные предложения с множеством оборотов;
- большое количество узкоспециальных терминов [6, с. 15];
- «застывшие», клишированные формы (или шаблоны, «routines») позволяют использовать незначительные изменения при переводе на язык-реципиент (как вариант, это могут быть эквивалентные им шаблоны на языке перевода) [7, р. 190]. Из этого следует, что использование лексико-синтаксических шаблонов не предполагает выбора возможных вариантов переводного текста. В рамках данной статьи в фокусе нашего внимания находятся переводческие трансформации, под которыми мы понимаем непосредственно языковые выражения, полученные вследствие технических приемов перевода, сводимых к замене исходного текста некоторыми нерегулярными (контекстуальными) соответствиями.

Каждый из указанных пунктов представляет собой некоторую трудность при переводе в условиях достижения желаемой максимальной эквивалентности. Но, как отмечает П. М. Тиерсма, английский юридический язык, с одной стороны, очень трудный и консервативный, а с другой стороны, может быть в высшей степени инновационным и креативным [8, р. 39–40].

С точки зрения градации типов эквивалентности, следуя за мыслью В. Н. Комиссарова, перевод, в том числе перевод юридического текста, целесообразно

оценивать по 5 критериям: 1) сохранение цели коммуникации; 2) сохранение ситуации; 3) сохранение способов описания ситуации; 4) сохранение лексического состава и 5) синтаксической структуры сообщения на языке перевода [9, с. 52, 54–55, 60–79]. Как единица речевой коммуникации текст (не является исключением и юридический текст) всегда характеризуется коммуникативной функциональностью, ситуативной ориентированностью и избирательностью способа описания ситуации. Эти признаки сохраняются и у отдельного высказывания юридического дискурса. Автор данной теории подчеркивает, что цель коммуникации, ситуация и способ описания ситуации выражаются «всем составом высказывания, одна через другую, образуя как бы семантическую пирамиду» [Там же, с. 68].

Преобразования, с помощью которых осуществляется переход от единиц оригинала к единицам перевода, принято называть переводческими трансформациями. Сам исходный текст при этом «не преобразуется» в буквальном смысле. Этот текст остается неизменным, но наряду с ним и на основе его создается текст перевода на ином языке [10, с. 48]. Разные лингвисты и ученые выделяют различные типы переводческих трансформаций. Например, В. Н. Комиссаров дифференцирует транскрипцию и транслитерацию, калькирование, лексико-семантические замены (конкретизация, модуляция, генерализация), синтаксическое уподобление или дословный перевод («нулевая» трансформация), членение предложения, объединение предложений, грамматические замены, описательный метод, компенсацию [9, с. 173–186]. Т. А. Казакова, исследуя практические основы перевода, выделяет переводческую транскрипцию или транслитерацию, калькирование, сужение или расширение исходного значения, нейтрализацию или усиление эмфазы, функциональную замену, описание или комментарий [11, с. 63–104]. В. В. Алимов говорит о возможности использования лексических, грамматических, стилистических и других видов трансформаций, а также калькировании, транслитерации, транскрибировании и других приемах [12, с. 12]. Говоря в общем, переводческие трансформации следует разделить на следующие группы: лексические, лексико-семантические, грамматические, лексико-грамматические, стилистические.

Принимая во внимание специфику юридического перевода (в том числе актов законодательства), не все переводческие трансформации способны найти практическое применение в юридическом письменном переводе. Говоря о различных формах «общего» юридического перевода и его главных характеристиках – отсутствии двусмысленности, использовании терминов в строго определенном смысле, эмоциональной нейтральности, смысловой завершенности,

недопустимости выражения собственного мнения и др., – отметим, что находят отражение такие переводческие трансформации, которые значительно не модифицируют семантический, прагматический, функционально-коммуникативный и социально-культурный аспекты текста-оригинала юридического дискурса. Проанализировав примеры сплошной выборки из Семейного Кодекса РФ, к переводческим юрлингвистическим трансформациям становится возможным отнести следующие: калькирование, лексико-семантические замены (модуляция, конкретизация, генерализация), описательный перевод (в случае асимметрии правовых реалий двух систем), грамматические замены, «нулевая» трансформация (дословный перевод или синтаксическое уподобление), комментарий.

Проиллюстрируем обозначенные нами положения настоящего исследования примерами из Семейного Кодекса РФ.

1. **Признается** брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния (ст. 1 п. 2 СК РФ). – **Subject to recognition** shall be only a marriage, entered into at the bodies for registering civil status acts.

В приведенном примере при сохранении цели коммуникации, ситуации и способа ее описания мы можем говорить о некоторой параллельности (на первый взгляд) синтаксических конструкций с точки зрения симметрии основных членов предложения, однако английская фраза *subject to recognition* дословно переводится как «предмет признания» и частично трансформирует коннотацию высказывания «признается брак». Мы имеем дело с грамматической заменой (в данном случае замена касается части речи). Согласно словарю С. И. Ожегова, *признать* – *согласиться* считать законным, существующим, действительным [5, с. 480]. Англоязычное слово *recognize* характеризуется дефиницией: *acknowledge the existence, validity, or legality of* [13]. В пассивной конструкции «признается брак» заключена сема коллективизма («все признают» в качестве нормы, «правды»). Анализируя дефиницию *subject* в выражении *subject to recognition*, отметим, что «*it is something or somebody that is written about in the article*» [13], как следствие, утеряна сема коллективного мышления. Обратимся к этимологии слова «subject» для выявления «глубинной семантики» слова. В XIV в. зафиксировано значение: *person or thing under control of another, specifically government or ruler*. В рамках этимологически репрезентированного знания слова «subject» выявлена сема власти по отношению к реципиенту. При эквивалентности ядерных сем лексем «признавать» и «recognition» синтаксическая конструкция с введенным компонентом «subject» частично трансформирует коннотацию безличного, коллективного

действия признания брака, эксплицируя сему власти. Несомненно, оба высказывания соответствуют узусу официально-делового стиля и сохраняют объективность подачи информации, что является неотъемлемой частью перевода юридической документации и законотворчества. При этом тональность высказываний на исходном языке и языке перевода не может оставаться тождественной, принимая во внимание «подтексты» этимологически репрезентированного знания. Как отмечает Н. Н. Болдырев, язык способен выполнять когнитивную и интерпретирующую функцию через призму семантических признаков, характеризующих обыденное познание – когницию [14, с. 27]. Таким образом, не полностью симметричная структурно-синтаксическая конструкция русскоязычного и англоязычного высказываний способна актуализировать некоторые концептуальные характеристики скрытых сем. Говоря про эквивалентный перевод как перевод, воспроизводящий непосредственно содержание оригинала на высоком иерархическом уровне, обозначим, что переводческая трансформация в рассмотренном примере ведет к утрате семы коллективизма, транслированию семы власти, так или иначе модифицирующих тональность высказывания, репрезентирующих дополнительные коннотации лингвокультурного кода. Иными словами, изменяется функционально-прагматический потенциал высказывания юридического дискурса.

2. Ребенок **имеет право** на защиту своих прав и законных интересов (ст. 56 СК РФ). – The child **shall have the right** to the protection of his rights and legal interests.

В данном примере посредством идентичности синтаксических конструкций, цели коммуникации, ситуации и способа ее передачи, и главным образом через максимальную эквивалентность семантики используемых англоязычных и русскоязычных лексических единиц достигнута абсолютная симметрия двух предложений. Считаем необходимым обозначить тот факт, что мы в данном контексте используем маркеры градуирования неслучайно – «абсолютная симметрия», «максимальная эквивалентность» – в силу того, что придерживаемся мнения, что подлинник в его отношении к оригиналу только в идеале может быть «максимально эквивалентным» по абсолютно всем возможным уровням: синтаксический, семантический (компонентный и референциальный, по А. Д. Швейцеру), прагматический [4, с. 86–87]. Следует подчеркнуть, что модальный глагол «shall», которому приписывается основное значение «следует» в общепотребительном значении, теряет маркированность долженствования в юридическом дискурсе и может переводиться на русский язык глаголом настоящего времени изъявительного наклонения, сохраняя при этом модальный оттенок предписания,

«максимально эквивалентный» русскоязычной версии [15, с. 11].

3. На требования, вытекающие из семейных отношений, **исковая давность** не распространяется, за исключением случаев, если срок для защиты нарушенного права **установлен** настоящим Кодексом (ст. 9 СК РФ). – The term of **legal limitation** shall not be spread to claims stemming from family relations, with the exception of the cases, when the term for the defense of the violated right **is laid down** by the present Code.

Асимметрия в настоящих высказываниях связана с порядком слов в предложениях. Русский язык, как известно, обладает свободным порядком слов. В русскоязычном предложении коммуникативная организация такова, что фразовое ударение маркирует то, что важно, – «требования», в то время как в англоязычном переводе коммуникативный центр смещается в сторону синтаксической основы предложения – «исковая давность не распространяется». Как отмечает Е. Н. Макарова, «основной функцией английского словоупорядка является функция грамматическая, тогда как использование его в целях выражения степени коммуникативной значимости лексических элементов довольно ограничено» [16, с. 67–74]. Таким образом, прямой порядок слов в переводном тексте ведет к изменению функционально-прагматического потенциала высказывания, наделяя период юридического текста менее экспрессивной тональностью. Лексический состав предложения на языке перевода эквивалентен исходному сообщению. Термины «legal limitation» (синоним, согласно словарю К. М. Левитана, – limitation of actions [17, с. 189]), специальный фразовый глагол «lay down» (частотный синоним stipulate в СК РФ) соответствуют как содержательным, так и формальным параметрам исходного сообщения и его дискурсивному характеру. Следовательно, при эквивалентности лексического состава, ситуации в целом и способа ее описания, вынужденное и обусловленное самим языком изменение порядка слов ведет к изменению тональности высказывания. Англоязычный вариант обладает нейтральностью и безэмоциональностью при экспликации директивно-нормативной функции данного высказывания.

4. Ограничение родительских прав **не освобождает** родителей от обязанности по содержанию ребенка (ст. 74 п. 2 СК). – The restriction of the parental rights **shall not relieve** the parents from the duty to maintain the child.

В данном примере идентичны синтаксические конструкции, переданы в полном объеме цель коммуникации, ситуация и способы ее передачи. Основанием для достижения максимальной эквивалентности высказываний становится также эквивалентность лексического состава исходного и переводного текстов, а именно ключевых лексем – «освободить»

и «relieve». Освободить, согласно словарю С. И. Ожегова, – избавить от чего-то, избежать, спастись [5, с. 371, 194, 195]. Согласно словарю АБВУД Lingvo 6, relieve – 1) cause (pain, distress, or difficulty) to become less severe or serious; 2) free someone from (a tiresome responsibility) [13]; 3) take it away from you (formal) [13]. Следует отметить, что в некоторых юридических словарях *relieve* как юридический термин отсутствует. Тем не менее целесообразно подчеркнуть, что дифференциальная сема «предмет освобождения» – «утомляющая обязанность» в англоязычном эквиваленте «relieve» эксплицируется через дефиниционный анализ ярче, чем та же сема у русскоязычного лексико-семантического варианта слова «освободить». Следовательно, есть основание обозначить данную переводческую трансформацию как «усиление эмфазы».

5. Родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они... уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе **при злостном уклонении** от уплаты алиментов... (ст. 69 СК РФ). – The parents (one of them) may be deprived of parenthood, if they... shirk the discharge of the parental duties, including by **persistently avoiding** the payment of the alimony.

Данную переводческую трансформацию следует охарактеризовать как «нейтрализация эмфазы» при переводе с русского языка на английский. Ключевую роль играет сопоставительный дефиниционный анализ высказываний юридического дискурса «при злостном уклонении» и «persistently avoiding». Злостный – 1) исполненный зла, злых умыслов; 2) сознательно недобросовестный; 3) закоренелый в чем-то дурном [5, с. 189]. Принимая во внимание ближайший контекст, основным следует считать последний лексико-семантический вариант. Закоренелый – неисправимый [5, с. 170]. Неизменным компонентом остается сема «предмет закоренелости» – «что-то дурное». Согласно онлайн-словарю Oxford Dictionary, persistent – continuing to exist or occur over a prolonged period [13].

Таким образом, «нейтрализация эмфазы» имеет место при эквивалентности транслирования остальных элементов текста: цели коммуникации, ситуации, способов ее передачи и симметричных синтаксических конструкциях.

6. **Добросовестный супруг** вправе при признании брака недействительным сохранить фамилию, избранную им при государственной регистрации заключения брака (ст. 30 п. 5 СК РФ). – **The bona fide spouse** shall have the right, when the marriage is recognized as annulled, to preserve the surname, which he has chosen to assume in the state registration of entering into the marriage.

Специфической особенностью языка права является наличие латинизмов и архаичной лексики. Как

отмечает М. Г. Гамзатов, «...латинские заимствования лаконичны, просты и удобны...», «они очень часто встречаются в нормативных актах разных государств...», «...прочно войдя в правовые системы, они практически стали международными терминами в языке юридической литературы» [18, с. 177, 180]. Тем не менее, как отмечает А. А. Галахова, «традиции использования латинских терминов могут сильно варьироваться среди основных правовых культур» [19, с. 107–109]. Так, например, согласно онлайн-словарю Cambridge Dictionary, «bona fide», помимо значения «добросовестный» (исконное значение, по замечкам А. А. Галаховой), имеет также значение «истинный». Перевод латинизмов в определенной степени может быть обусловлен традициями правовой системы, микроконтекстом, языковым узусом или лексической сочетаемостью слов.

Подобного рода устойчивое вкрапление, широко распространенное в языке правовой литературы, на наш взгляд, становится возможным ассоциировать с дословным переводом, как следствие, обозначим его «нулевая трансформация».

7. **Если основания**, в силу которых родители (один из них) были ограничены в родительских правах, **отпали**, суд по иску родителей (одного из них) может вынести решение о возвращении ребенка родителям (одному из них) и об отмене ограничений, предусмотренных статьей 74 настоящего Кодекса (ст. 76 п. 1). – **If the grounds**, by force of which the parents (one of them) were (was) restricted in their parental rights, **do not exist any more**, the court may, upon the claim of the parents (of one of them) pass a decision on returning the child to the parents (to one of them) and on cancelling the restrictions, stipulated by Article 74 of the present Code.

В настоящем примере выявлена «модуляция» как особый вид лексико-семантической замены. Согласно словарю С. И. Ожегова, *отпасть* – утратить силу, исчезнуть [5, с. 384]. Not exist – not be found, especially in a particular place or situation [13]. Англоязычный эквивалент статичен, русскоязычный передает динамику действия и содержит определенное коннотативное значение изменения ситуации. Тем не менее, на наш взгляд, вариация слов «отпасть» и «больше не существовать» не влечет за собой значительных деформаций в основном содержании конкретного юридического высказывания. Как следствие, мы можем говорить о репрезентации равнозначной цели коммуникации на языке перевода, ситуации и способа ее описания, наряду с симметрией структурно-синтаксической организации высказываний и эквивалентности лексического значения высказываний.

Рассмотрев вышеприведенные примеры, приходим к умозаключению, что уровень эквивалентности содержания высказывания на языке перевода может

быть связан с моделью переводческой трансформации. На наш взгляд, целесообразно выделять 3 типа эквивалентности высказывания юридического дискурса. Первый тип: мы говорим об относительной эквивалентности цели коммуникации (имеются некоторые деформации в плане реализации функций высказывания, актуализации функционально-прагматического потенциала в целом), равнозначном транслировании ситуации и способов ее описания, но при этом мы имеем дело с асимметричными синтаксическими конструкциями, включением в отрезок речи новых номинант, эксплицирующих дополнительные коннотации, в свою очередь репрезентирующих лингвокультурный код некоторой концептуальной области. Примером переводческой трансформации данного типа эквивалентности следует считать «грамматическую замену».

Второй тип: при однозначности целей коммуникации, ситуации и способов ее описания, общей симметрии структурно-синтаксической организации двух сопоставляемых высказываний имеются некоторые разночтения в семном составе разноязычных эквивалентов, что обуславливает выявление таких переводческих трансформаций, как «усиление эмфазы» или «нейтрализация эмфазы». Кроме того, с изменением лексического состава высказывания юридического дискурса связаны такие переводческие трансформации, как «генерализация», «конкретизация», «модуляция», объединенные единым понятием «лексико-семантические замены» и обусловленные выбором адекватного юридического термина в рамках конкретной правовой системы. Однако обозначим, что последние три переводческие трансформации могут быть актуальны и при третьем типе эквивалентности.

Третий тип: при однозначном транслировании цели коммуникации, ситуации и способов ее описания полностью эквиваленты семы лексико-семантических вариантов слов и симметрична структурно-синтаксическая организация высказываний. К данному типу эквивалентности относятся все вышерассмотренные примеры с модальным глаголом «shall», утратившим значение модальности в правовом дискурсе, а также «нулевая трансформация» как пример дословного перевода. В этих случаях мы вправе говорить о максимально эквивалентном переводе текста юридического дискурса.

Результаты исследования

В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

– во-первых, эквивалентность высказывания юридического дискурса на языке перевода мы считаем целесообразным рассматривать с точки зрения 5 критериев: цели коммуникации, ситуации, способа ее описания, структурно-синтаксической организации

и лексического состава высказывания;

– во-вторых, к основным переводческим юрлингвистическим трансформациям мы относим следующие: калькирование, лексико-семантические замены (модуляция, конкретизация, генерализация), описательный перевод (в случае асимметрии правовых реалий двух систем), грамматические замены, «нулевая» трансформация (дословный перевод или синтаксическое уподобление);

– в-третьих, эквивалентность при переводе правового текста может определяться микроконтекстом [20, с. 152–161], точно так же, как и правовыми традициями страны языка, лексической сочетаемостью слов;

– в-четвертых, переводческая трансформация может быть обусловлена строем самого языка, а также языковым узусом носителей данного языка; при асимметрии структурно-синтаксической организации высказываний на разных языках «смыслоразличительную» функцию играет коммуникативный центр высказывания, модифицирующий лишь в некоторой степени функционально-прагматический потенциал высказывания;

– в-пятых, перевод юридических документов должен быть подчинен дискурсивному характеру исходного текста, а именно как содержательным, так и формальным параметрам [21, с. 74];

– в-шестых, следствием функционирования той или иной переводческой трансформации становится появление маркеров, модифицирующих тональность высказывания юридического дискурса: смещение коммуникативного центра высказывания, изменение (усиление или ослабление) директивной (прескриптивной, императивной и др.) функции высказывания, наличие «скрытой» семы;

– в-седьмых, для институциональных типов дискурса приоритетной является эквивалентность на более высоких иерархических уровнях, в том числе на уровне лексико-семантического соответствия, однако модификации в области структурно-синтаксической организации высказывания способны внести некоторые новые оттенки тональности.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что при переводе высказываний юридического дискурса в рамках использования конкретных переводческих трансформаций в большей или меньшей степени находят выражение 4 составляющие эквивалентности: денотативная, коннотативная, текстонормативная и прагматическая. Денотативная и текстонормативная составляющие обусловлены экспликацией равнозначного логического содержания сообщения и соответствием высказывания нормам юридического языка, официально-деловому стилю и языковым традициям культуры языка-источника и языка-реципиента. Наибольший вес в сравнительно-сопоставительном

анализе разноязычных сообщений юридического характера могут приобретать коннотации и прагматика высказываний. Прагматическая эквивалентность в рамках данной работы связана непосредственно со смещением коммуникативного центра высказывания, модификацией императивной и директивной функций сообщений, коннотативная – с реализацией «скрытой» семы. Данные составляющие эквивалентности – прагматическая и коннотативная – являются выразителями тональности высказывания юридического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левитан К. М. Юридический перевод. М. : Юстиция, 2017. 377 с.
2. Катфорд Дж. Лингвистическая теория перевода : об одном аспекте прикладной лингвистики. М. : Едиториал УРСС, 2004. 207 с.
3. Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М. : Высш. шк., 1964. 243 с.
4. Швейцер А. Д. Теория перевода : статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 214 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1988. 750 с.
6. Косарева Т. Б. Как научиться переводить юридические документы? [теория и практика: изучающим право и бизнес: для учебных занятий и для самостоятельной работы]. М. : URSS, 2009. 108 с.
7. Hatim B., Mason I. *Discourse and the translator*. Routledge : Taylor and Francis Book, London and NY, 2013. 272 p.
8. Tiersma P. M. *Legal language*. University of Chicago, 1999. 322 p.
9. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для ин-тов и ф-тов иностр. яз. Репринт. вопросизвед. изд. 1990 г. М. : Альянс, 2013. 253 с.
10. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402–421.
11. Казакова Т. А. Практические основы перевода : учеб. пособие. СПб. : Перспектива, 2008. 319 с.
12. Алимов В. В. Юридический перевод : практический курс. Английский язык : учеб. пособие. Изд. 3-е, стереотип. М. : КомКнига, 2005. 160 с.
13. Англо-английский словарь АБВУ Lingvo 6 / CollinsCobiuld, Oxford Dictionary.
14. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М. : Издательский дом ЯСК, 2018. 480 с.
15. Мисуно Е. А. и др. Письменный перевод специальных текстов : учеб. пособие. М. : Флинта: Наука, 2013. 256 с.
16. Макарова Е. Н. Влияние контекста на акцентную и синтаксическую структуру высказывания (сравнительный анализ английской и испанской языковых систем)

// Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы ежегод. Междунар. науч. конф. 5 февраля 2016 года г. Екатеринбург, Россия. Ч. I. Екатеринбург, 2016. С. 67–74.

17. Левитан К. М. Англо-русский и русско-английский юридический словарь. М. : Проспект, 2014. 512 с.
18. Гамзатов М. Г. Лингвистическая и сравнительно-правовая интерпретация и перевод юридической лексики. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. 388 с.
19. Галахова А. А. Латинские заимствования в английском языке права // Современная филология : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2015 г.). Уфа : Лето, 2015. 122 с.
20. Барабаш О. В., Мещерякова О. В. Юридический текст : проблема интерпретации и перевода // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (27). С. 152–161.
21. Ковалевский Р. Л. Перевод VS коммуникативная медиация // Подготовка переводчика : коммуникативные и дидактические аспекты : кол. монография / авт. кол.: В. А. Митягина и др. ; под общ. ред. В. А. Митягиной. 4-е изд., стер. М. : Флинта: Наука, 2017. 304 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Семейный Кодекс Российской Федерации с постатейными материалами / [вступ. ст. П. В. Крашенинникова]. М. : Спарк, 1996. 527 с. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».
2. *Batler U. R. Family Code of the Russian Federation*. М., 2005. 210 p. URL: <http://jafbase.fr>

REFERENCES

1. Levitan K. M. *Yuridicheskij perevod* [Legal translation]. Moscow: Yustitsiya, 2017.
2. Katford Dzh. *Lingvisticheskaja teorija perevoda: ob odnom aspekte prikladnoj lingvistiki* [Linguistic theory of translation: about one aspect of applied linguistics]. М.: Editorial URSS, 2004.
3. Revzin I. I., Rozentsvejg V. Y. *Osnovy obshhego i mashinnogo perevoda* [The basics of general and machine translation]. М.: Higher school, 1964.
4. Shveitser A. D. *Teorija perevoda: Status, problemy, aspekty* [Theory of translation: status, problems, aspects]. М.: Nauka, 1988.
5. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka: Ok. 57 000 slov* [Dictionary of the Russian language: About 58000 words]. Ed. by N. Y. Shvedova. Moscow: Rus. Yaz., 1988.
6. Kosareva T. B. *Kak nauchit'sya perevodit' yuridicheskie dokumenty?* [How to learn to translate legal documents]. Moscow: URSS, 2009.
7. Hatim B., Mason I. *Discourse and the translator*. Routledge: Taylor and Francis Book, London and NY, 2013.
8. Tiersma P. M. *Legal language*. University of Chicago, 1999.
9. Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [The theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow: Al'yans, 2013.

10. Vezhbitska A. Metatekst v tekste [Metatext in the text]. In *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Issue. 8. Lingvistika teksta. Moscow, 1978. Pp. 402–421.

11. Kazakova T. A. *Prakticheskie osnovy perevoda* [Practical basis of translation]. St. Petersburg: Perspektiva, 2008.

12. Alimov V. V. *Yuridicheskij perevod: prakticheskij kurs. Anglijskij yazyk: uchebnoe posobie* [Legal translation: practical course. The English language: manual]. Moscow: KomKniga, 2005.

13. *Anglo-anglijskij slovar' ABBYY Lingvo 6* [English-English Dictionary ABBYY Lingvo 6] / CollinsCobuild, Oxford Dictionary.

14. Boldyrev N. N. *Jazyk i sistema znaniy. Kognitivnaja teorija jazyka* [Language and system of knowledge. Cognitive theory of the language]. M.: Publishing house Yask, 2018. 480 p.

15. Misuno E. A., Batsenko I. V., Vdovichev A.V., Ignatova S. A. *Pis'mennyj perevod spetsial'nykh tekstov: ucheb. Posobie* [Written translation of special texts: manual]. Moscow: Flinta: Nauka, 2013. 256 p.

16. Makarova E. N. Vliyanie konteksta na aktsentnyuyu i sintaksicheskuyu strukturu vyskazyvaniya (sravnitel'nyj analiz anglijskoj i ispanskoj yazykovykh sistem) [Influence of context on accent and syntactic structures of statements (comparative analysis of Spanish and English language structures)]. In *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*. Chast' I. Materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii 5 fevralya 2016 goda g. Ekaterinburg, Rossiya. Ekaterinburg, 2016. Pp. 67–74.

Уральский государственный юридический университет

Рябова И. Ю., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и культуры речи

E-mail: i.y.ryabova_3012@mail.ru

Поступила в редакцию 12 февраля 2020 г.

Принята к публикации 25 марта 2020 г.

Для цитирования:

Рябова И. Ю. О типах переводческих трансформаций как способах передачи эквивалентного содержания высказывания юридического дискурса (на материале Семейного Кодекса РФ) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 51–59. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2838>

17. Levitan K. M. *Anglo-russkij i russko-anglijskij yuridicheskij slovar'* [English-Russian and Russian-English law dictionary]. Ed. by K. M. Levitan. Moscow: Prospekt, 2014.

18. Gamzatov M. G. *Lingvisticheskaya i sravnitel'no-pravovaya interpretaciya i perevod yuridicheskoy leksiki* [Linguistic and comparative-legal interpretation and translation of law lexis]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2012. 388 p.

19. Galahova A. A. Latinskie zaimstvovaniya v anglijskom yazyke prava [Latin borrowings in the English legal language]. In *Sovremennaya filologiya: materialy IV Mezhdunar. Nauch. konf.* (Ufa, March 2015). Ufa: Leto, 2015. 122 p.

20. Barabash O. V., Meshcheryakova O. V. Yuridicheskij tekst: problema interpretacii i perevoda [Legal text: the problem of interpretation and translation]. In *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*, 2013. № 3 (27). Pp. 152–161.

21. Kovalevskij R. L. Perevod VS kommunikativnaya mediaciya [Translation VS Communicative mediation]. In *Podgotovka perevodchika: kommunikativnye i didakticheskie aspekty*. Ed. by V. A. Mityagina. Moscow: Flinta: Nauka, 2017.

SOURCES

1. *Semejnyj Kodeks Rossijskoj Federatsii s postatejnymi materialami* [Family Code of the Russian Federation with article-by-article materials]. M.: Spark, 1996. 527 p. Available at: <http://ivo.garant.ru>

2. *Batler U. R.* Family Code of the Russian Federation. M.: YurInfor, 2005. 210 p. Available at: <http://jafbase.fr>

Ural State Law University

Ryabova I. Yu., Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Russian, Foreign Languages and Speech Culture Department

E-mail: i.y.ryabova_3012@mail.ru

Received: 12 February 2020

Accepted: 25 March 2020

For citation:

Ryabova I. Yu. On the types of translation transformations as means of transferring equivalent contents of statements of law discourse (in the material of Family Code of the RF). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 2. Pp. 51–59. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2838>